

П. А. Вяземский

Жуковский. -- Пушкин. -- О новой пиитике басен

Вяземский П. А. Сочинения: В 2-х т. -- М.: Худож. лит., 1982. -- Т. 2. Литературно-критические статьи. Сост., подг. текста и коммент. М. И. Гиллельсона. 1982.

[OCR Бычков М. Н.](#)

"Глупец, который в первый раз видит черных невольников, воображает себе, что они все на одно лицо: прелестные арии Россини те же черные невольники для глупцов!"

Прочитав сие остроумное уподобление в жизнеописании Россини, изданном прошлого года, в Париже, Стендалем, применил я его тотчас к суждениям некоторых судей-самозванцев наших об однообразии стихотворений Жуковского. Нет сомнения, что многие из произведений Жуковского, а в особенности последние, носят какой-то общий отпечаток; но просвещенный взор, но изощренное чувство образованного знатока откроют везде черты отличительные. Большая часть философических од Горация также на один напев; его философия заключается в одной господствующей мысли, в одном господствующем чувстве, но переливы их разнообразны, разноцветны, и они-то услаждают читателей многих столетий. Каждый готов согласиться, что разнообразие в творческой способности есть венец дарований поэта; но Протеи, каковы, например, Вольтер во Франции, Гете в Германии, каждый в своем роде и народе, бывают редкими исключениями из общего закона; да еще и у сих универсальных умов, всеобъемлющих гениев, нет ли какой особенной повадки природной, неизбежной, неистребимой? Сама природа, разнообразная в целом, обыкновенно подвержена бывает однообразию в отдельном. Цветок имеет один запах, плод один вкус, красавица одно выражение. Можно даже сказать, что, за исключением редких исключений, чем достоинство превосходнее, чем оно решительнее, тем скорее может быть односторонним, одноличным: посредственности или по крайней мере полусовершенству удобнее быть разнообразным и многоличным.

Остановимся на сравнении дарования писателя с красотой женщины. Правильная красавица будет иметь одно главное, постоянное выражение в лице своем; физиономия переменчивая, зыбкая будет принадлежностью пригожества, а не красоты! Прибегнем к другому сравнению: мысль главная, усилие постоянное, так сказать, душа целого бытия встречается только в характерах великих. Ум стремится к разным целям; гений наpires на одну цель. Предложение мое может отзываться несколько парадоксом, но при беспристрастном и прилежном исследовании наведет оно, вероятно, на истину.

Имя Жуковского сделалось с некоторого времени любимую темой аматёров на поприще критики. Испытывая свои силы против него, думают они, что доказывают тем свою независимость. Смешно и худо раболепствовать, но также худо и еще смешнее быть мятежником, не имея ни права на то, ни надежных союзников в собственных силах, в познаниях надлежащих и в доверенности посторонней, основанной на прежних успехах. Как, например, прочесть без смеха следующее суждение в "Письме на Кавказ" ("Сын Отечества", 1825 г., No 2, стр. 205): "Было время, когда наша публика мало слыхала о Шиллере, Гете, Бюргере и других немецких романических поэтах; теперь все известно: знаем, что откуда заимствовано, почерпнуто или переименовано. Поэзия Жуковского представлялась нам прежде в каком-то прозрачном, светлом тумане; но на все есть время, и этот туман теперь сгустился" и проч.

Во-первых, что за слог метеорологических наблюдений? Что за туман, который был прозрачен и теперь сгустился? Таким ли календарским языком пишут и судят о поэтах? Далее: г. сочинитель письма мог за себя признаться, что он недавно вслушался в имена Шиллера и Гете, сознание похвальное в отношении некоторого смирения и простодушия! Но кто дает ему право делать и публику участницею в долговременном неведении своем? Сганарель, сытно пообедав, думал, что и семья его сыта; а здесь автор думает, что чего он не знает, того и прочие не знают. Сверх того, по словам его можно заключить, будто Жуковский хотел обманывать читателей и выдавал им чужое за свое, переводы и подражания за подлинники. Вот это уж намек неблагонамеренный и совершенно неосновательный! В первом издании Жуковского, напечатанном в 1815 году, означены имена поэтов, которые служили образцами его спискам.

Вообще можно сказать, что суждения автора письма, подкрепленные календарскими наблюдениями, столько же и гадательны, как многие из календарских истин.

Приговоры Пушкину, заключающиеся в том же письме, не основательнее первых. Не признавая глубокой чувствительности за отличительную черту поэзии Пушкина, автор утверждает далее мнение